

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XVIII

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ
ПАМЯТИ А. В. КОРОЛЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы:
Москва 1976

Ю. В. Мартин

ЭТНО-НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ИНДОНЕЗИИ И ПРОБЛЕМА ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И АВТОНОМИИ

Индонезия в гораздо большей степени, чем другие освободившиеся страны, отличается полиэтническим характером. При этом формирование национальной государственности — процесс, сам по себе далекий от завершения, — опережает здесь формирование как отдельных наций внутри страны, так и тем более единой нации в рамках всего государства. В Индонезии одновременно сосуществуют этнические общности на разных стадиях развития, с разным уровнем этнического самосознания, т. е. почти вся этническая шкала со многими ее оттенками: племена, группы племен, народности и группы родственных народностей, нации — как моногенные, так и гетерогенные [27, 11—178; 49].

Особенности этно-национального развития современной Индонезии определяются помимо полиэтничности также рядом других существенных факторов как интегрирующего, так и дезинтегрирующего свойства. Многоступенчатость этнических общностей, т. е. этнический плюрализм, неизбежно сочетается здесь с многообразием форм экономической и социальной жизни и поддерживается этими последними, т. е. экономическим плюрализмом. Социально-экономическая структура во многих отношениях носит переходный характер, хотя в целом Индонезия в настоящее время развивается по капиталистическому пути [16; 39а, 135 и сл.; ср. 8]. Хозяйство многоукладно и является суммой отраслей, не представляя собой системы, единого хозяйственного организма. Налицо множество локальных рынков, тогда как единый внутренний рынок еще не сложился [26, 47—91]. Для страны характерна крайняя экономическая отсталость и разобщенность отдельных районов при неудовлетворительном состоянии средств связи. Между тем, как неоднократно писал В. И. Ленин, создание национального государства диктуется экономической необходимостью [1, 207; 3, 385].

В этих условиях особую роль приобретает идеология как фактор сплочения общества. Общественное же сознание, вследствие уровня развития стран «третьего мира», преломляется, во-первых, сквозь призму интересов главным образом непролетарских классов и слоев, во-вторых, идеология (неизбежно буржуазная и мелкобуржуазная по преимуществу) не имеет ясных очертаний, в-третьих, большую роль играет субъективный фактор. Формирующаяся индонезийская буржуазия (как и буржуазия других стран, находящаяся на аналогичном уровне развития) стремится сделать идеологию национализма своим монопольным оружием, отрицая классовые противоречия внутри государства («нации»), внеисторически трактуя национальные связи, сплошь и рядом переходя на рельсы реакционного национализма. Полиэтнический же характер

страны ведет к тому, что появляются местные национализмы, которые проявляют себя все более явно [ср. 25; 30, 6—8].

В Индонезии официально провозглашено существование единой нации, хотя в сущности речь идет о едином гражданстве [17, 13, 72—74; 35, 261—263, 317; 36, 220; см. также: 27, 132—133; 40; 54; 67; 72; 76; 80; 81].

Под национальной консолидацией подразумевается воспитание чувства преданности государству. Развивается, таким образом, идеология «государственного национализма», открывающая путь к концепции «нации-государства» [35, 317—31; 36, 224; 71, 6—24].

В трактовке идеи «единой индонезийской нации» есть варианты: по одним утверждениям, она сложилась в незапамятные — или в исторические, но достаточно давние — времена; по другим, она — результат последних десятилетий борьбы; третьи полагают, что процесс ее сложения, начавшийся в более или менее отдаленном прошлом, завершается (или завершен) в настоящее время. Родоначальником тезиса о существовании «единой индонезийской нации» и самым пламенным ее пропагандистом, причем в крайних формах, был президент Сукарно [35; 36, 218 и сл.; см. также: 74; 78]. Он относил время сложения индонезийской нации к эпохе Шривиджайи, возникшей в конце VII в. н. э. Прозелиты Сукарно из лагеря левых националистов утверждают, что индонезийская нация существует уже 6000 лет! [80].

Политико-экономические аспекты национального развития Индонезии в первой половине XX в. нашли отражение в работе Н. А. Симонии [33]. Проблема единства и автономии с точки зрения государственно-политического развития рассмотрена в ряде работ Г. А. Андреева [6; 7].

Особенности этно-национального развития Республики Индонезии, включая политические, экономические, лингвистические, этнографические и некоторые другие стороны этого процесса, освещены в нескольких наших работах [26—29]. Здесь мы остановимся на том аспекте этой проблемы, который связан с наличием центрального правительства и его ролью в этно-национальном развитии страны, в особенности же на ключевой проблеме государственного устройства Индонезии — проблеме централизации и автономии. Мы обращаем внимание в данном случае не столько на ее политические и экономические аспекты, сколько на связь с этно-национальным развитием страны и пытаемся убедить читателя, что без правильного подхода к вопросам внутреннего административного устройства будет крайне затруднено, если не сорвано, решение проблемы формирования общендонезийского единства в национальном смысле.

Наличие единого центрального правительства в Индонезии с первых дней существования республики является несомненным и мощным фактором¹. Это консолидирующее влияние неоднократно проявлялось в критические моменты существования республики, и оно обнаруживает себя в каждодневной жизни страны [6, 136; 21; 61].

Но сразу же оговоримся, что влияние политики правительства не безгранично, тем более на такие в основе своей объективные процессы, как этническое и национальное развитие. Сукарно, перечисляя условия существования «индонезийской нации» и называя единую территорию, единство народа и наличие центрального правительства в качестве основных факторов этого существования [36, 218—224; ср. 51, 169], слишком переоценивает роль правительства, т. е. надстройки, не говоря уже о том, что единство народа он считает само собой разумеющимся фак-

¹ О роли государства в развивающихся странах см.: [34, особо главы IV—VI]. Теоретические вопросы буржуазного федерализма в полиэтнических развивающихся странах — в книге В. Г. Графского [13].

том. Эта переоценка роли правительства — и надстройки в целом — в этно-национальном развитии Индонезии тем более очевидна, что наряду с правительственными акциями, способствовавшими росту общендонезийского самосознания и лояльности по отношению к единому государству и правительству, действия последнего оказались неэффективными в решении целого ряда острых проблем, связанных с политикой в национальном вопросе. Этно-национальные проблемы сыграли не последнюю роль в политических потрясениях, характерных для всего периода существования республики, особенно же для середины 50-х годов XX в.

Основная линия государственной политики в национальном вопросе — это борьба за сохранение и упрочение единой индонезийской нации, которая для лидеров индонезийского национализма, как было сказано выше, совпадает с единым государством. Таким образом, задача упрочения единого государства оказывается неразрывно связанной и даже синонимичной с задачей укрепления (варианты: создания, воссоздания, строительства) единой нации, что объективно вело к отрицанию национальных (этнических) особенностей населяющих Индонезию народов. Действительно, это строительство нации, по мнению ряда государственных деятелей Индонезии, и в первую очередь Сукарно, может быть достигнуто несколькими путями: либо путем разрушения этнических границ и слияния всех этносов и их культур в нечто общее, либо путем распространения «национальной воли» при идентификации ее с политическим руководством и с помощью развития духа перманентной политической борьбы и массового энтузиазма, либо, наконец, с помощью всех названных средств. В любом случае вопросы «национального развития превращались в вопросы национального строительства» в прямом смысле этого слова [см. 19; 21; 50, 34; 74; 79; 70, 5 и сл., 18 и сл., 42 и сл., 54 и сл.].

Наряду с объективно положительными целями такая политика вела сплошь и рядом к волюнтаризму, когда объективный процесс национального формирования подталкивался различными, нередко сугубо субъективистскими мероприятиями. Несомненной истиной является тот факт, что целостность и единство государства — одно из условий завершения национально-демократической революции. Но не менее очевидно и то, что ее завершение зависит в еще большей степени от другого условия: наличия прогрессивного демократического правительства. Без этого последнего условия нет никакой гарантии, что борьба за общендонезийскую нацию не будет способствовать усилению самой откровенной буржуазной диктатуры в форме военно-бюрократического режима [11; 12; 18; 19, 73 и сл.; 32, 109—112; 39а, 80 и сл.].

Все существовавшие до сих пор правительства республики всеми доступными средствами воспитывали в массах верность идее единой Индонезии и единой нации. Это осуществлялось в первую очередь через систему образования — от начального и школ по ликвидации неграмотности до высшего, через повседневную пропаганду средствами массового воздействия (кино, радио, печать и пр.), через все правительственные каналы и учреждения, а также через доступные воздействию правительства местные учреждения. Существенным моментом являлась пропаганда личности Сукарно как национального лидера, президента и «великого вождя революции», в котором олицетворяются нация, государство и революция. Сам Сукарно делал все возможное для такого олицетворения, в своих публичных речах постоянно именуя себя «великим вождем индонезийской революции», «отцом индонезийского народа», «рупором его страданий», «отождествлением народа» и т. д. и т. п. [19, 158; 50; 51; 53; 74; 79].

Повсеместно проводилась идентификация представителей всех этнических групп, в первую очередь именно как индонезийцев. Одним из действенных путей такой идентификации являлось подчеркивание общего в истории и культуре народов Индонезии, целеустремленное воспитание этнической терпимости и уважения [28, 39—41; 43—45; 57; 69; 70, 42 и сл.; 76]. Последнее достигалось главным образом путем пропаганды местных форм искусства и литературы, через популяризацию местных героев национально-освободительной борьбы, которых объявляли общеиндонезийскими. Термин «национальный» применялся везде, где им можно заменить термин «государственный»: Национальный совет, Национальный плановый совет, национальные предприятия и т. д. Широко проводились многочисленные общегосударственные праздники, объявленные общенациональными (их около 20). Внедрялась общая символика (герб, флаг, гимн, «Мечеть свободы», «Монумент свободы» и т. д.), а также символика политических лозунгов — Манипол, Насакком и пр. Десятками выходили брошюры и книги вроде нижеследующей: «Панчасила, Манипол, УСДЭК как основа интерпретации индонезийской истории» [73; 39; 41; 57; 69].

Огромную роль играли всеобщие националистические кампании — за освобождение Западного Ириана, по противостоянию Малайзии и пр. Правительство не только не содействовало созданию партий по этническому принципу, но и всячески тормозило их появление, а если они так или иначе возникали, оно не поощряло их деятельности.

В этой неутомимой борьбе за развитие чувства «общеиндонезийского» и за приглушение чувства этнического самосознания официальные круги в последнее десятилетие правления Сукарно встали на путь противопоставления всего индонезийского всему неиндонезийскому [ср. 20]. Лозунг «Keribadian!» — «Самобытность!» приобрел шовинистический характер: отсюда переименование Индийского океана в Индонезийский, Малаккского пролива в Суматранский и т. п. В данном случае развитие событий в Индонезии подтвердило еще раз марксистский тезис о том, что крайний буржуазный национализм (даже если это национализм недавно еще угнетенного народа) несет в себе семена шовинизма².

Иногда в борьбе за единую нацию власти теряли чувство реальности: так, в 1962 г., накануне воссоединения Западного Ириана, ввиду наличия сильных социально-экономических и культурных различий между папуасами и жителями остальной Индонезии, правительством был отдан приказ в течение пяти лет поднять уровень развития папуасов до общеиндонезийского [53, 97].

Для Индонезии одним из важнейших путей решения национального вопроса является правильный подход к проблеме автономии. «Требование подлинной демократической автономии в рамках централизованного государства, выдвигавшееся массовыми организациями, отвечало интересам районов и всей страны. Вместе с тем... недовольство населения задержкой развития автономии,— пишет советский исследователь Г. А. Андреев,— служило благоприятной почвой для разжигания сепаратистских мятежей со стороны реакционных сил...» [7, 143]. В этом вопросе политика центрального правительства наиболее уязвима. Прежде всего в Конституции Индонезии (и 1945 и 1950 г.) об автономии говорится очень нечетко и скорее в ограничительном смысле (статья 131) — только как о «возможности самостоятельно решать

² Яркий пример «восточного варианта» колониализма — шовинистическая политика реакционной части пакистанской буржуазии, приведшая к взрыву национально-освободительного движения в бывшем Восточном Пакистане и образованию Республики Бангладеш [22, т. 2, 112].

вопросы местного значения» [23, 161; ср. 17, 173—190; 6, 22, 27—28]. Неконкретны и программные заявления Национальной партии по этому вопросу [37, 55—56]. Более определенным было мнение КПИ, которое в середине 50-х годов формулировалось так: во-первых, унитарное государство, охватывающее всю территорию бывшей Нидерландской Индии, во-вторых, самая широкая автономия (самоуправление) для всех народностей Индонезии [55, 25.VI.1965, цит. по: 15, 39—40].

Практически все законы, по которым правительство в 1950—1965 гг. проводило те или иные мероприятия по осуществлению автономии, были построены не на этнической, а на административно-региональной основе (кроме нескольких исключений) из-за опасения усиления чувства этнического самосознания при совпадении административно-территориального деления с этническим. «В каждом случае,— пишет Скикнер,— индонезийское правительство пыталось уничтожить... границы, имеющие этническое значение, путем включения старой единицы в более крупную провинцию» [60, 7; ср. 59, 78]³. Сразу же после образования республики, во второй половине августа 1945 г., было восстановлено административное деление на 8 провинций, существовавшее при голландцах. В июне 1950 г. число провинций было увеличено до 10. Впоследствии правительство неоднократно проводило разукрупнение провинций (о чем ниже). Границы первоначальных провинций (периода 1945—1950 гг.), равно как и более мелких административных подразделений (не только в названный период, но и в более поздний), соответствовали старым границам колониального периода [6, 23—26; 59, 75—76].

После возвращения к унитарному государству вопросы местных органов власти и автономии решались на основе законов № 22 1948 г. и № 44 1950 г., которые предусматривали автономию лишь в некоторых хозяйственных вопросах, не учитывая этнических особенностей районов. Главы отдельных так называемых автономных районов представляли не местные интересы, а интересы центрального правительства на местах; местные власти фактически не избирались, а назначались. До 1956 г. не было закона о порядке финансирования таких районов. В 1957 г. был принят закон об автономии (закон № I 1957 г.), вводивший административное деление на автономные единицы I и II порядка и предоставлявший право автономии ряду новых районов. Например, из провинции Калимантан была выделена новая провинция Центральный Калимантан, населенная преимущественно даяками. По чрезвычайному закону № 22 1957 г. Молуккские острова выделялись в самостоятельную провинцию. В 1958 г. из провинции Нуса Тенггара (Малые Зондские острова) были образованы три: Бали, Западные Нуса Тенггара и Восточные Нуса Тенггара. В 1963 г. были введены районы III порядка. Единицы I порядка — это провинции, II порядка — их крупные подразделения и отдельные свапраджа (см. ниже), III порядка — следующие подразделения административной структуры. Эти законы давали более широкие права автономным единицам, но не предусматривали соблюдения этнического принципа при выделении автономных единиц.

В настоящее время в Индонезии имеется 26 автономных единиц I порядка, т. е. провинций. Это Аче, Северная Суматра, Западная Суматра, Бенгкулу, Риау, Джамби, Южная Суматра, Лампунг, Западная, Центральная и Восточная Ява, Западный, Центральный, Южный и Восточный Калимантан, Бали, Западные и Восточные Нуса Тенггара,

³ По проблеме централизации и автономии в Индонезии подробнее см.: [6; 7; 17, 173—190; 21; 48; 58—60; 62—64; 66; 68; 72; 75; 79].

Северный, Центральный, Юго-Восточный и Южный Сулавеси, Малуку, Западный Ириан, Большая Джакарта и Особая провинция Джокьякарта. Из всех этих провинций лишь шесть имеют этнически однородное население: Аче (образована в 1956 г.), Западная Суматра, населенная минангкабау (1957 г.), Бали (1957 г.), Западный Ириан (формально с 1956 г., фактически с 1963 г.), отчасти Западная Ява (1952 г.), где проживает 94% сундов, составляющих 77% населения провинции, остальные в основном яванцы, и Южный Калимантан, населенный преимущественно банджарами (1957 г.).

В очень многих случаях границы эти не отвечают ни этническим рубежам, ни экономическим интересам. Например, даякское население разделено между четырьмя провинциями; произвольно деление на многонациональном Сулавеси, где к тому же граница до 1963 г. пересекала довольно близкую этнически группу тораджей; яванцы разделены между тремя провинциями, а мадурцы (напомним, что их около 7 млн.) не имеют автономии. В провинцию Нуса Тенггара до 1957 г. входили такие разнородные по языкам и культуре народы, как балийцы, са-саки, сумбавы, бима, сумбы, купанги, роти и др. Сознвая неудовлетворенность существующего деления, а также и под сильным давлением с мест правительства постепенно меняло его. Было значительно увеличено число провинций. Например, Суматра вместо первоначальных трех провинций теперь разделена на восемь; единая прежде провинция Калимантан — на четыре; Восточная Индонезия, также составлявшая одну провинцию, — на три (Сулавеси, Малуку, Нуса Тенггара); в свою очередь, Сулавеси в середине 60-х годов был в административном отношении разделен сначала на две, а затем на четыре провинции, а провинция Нуса Тенггара — на три. Многочисленным и непрерывным изменением подвергались автономные единицы II и III порядка (см., например, историю административного деления Южного Сулавеси [59, 71—73]).

В Индонезии существуют также многочисленные свапраджа — автономные территориальные единицы, которые в свое время были вассальными княжествами и султанатами⁴. И сейчас нередко во главе их стоят прежние раджи и султаны. Особенно много свапраджа в Восточной Индонезии: на Центральном Сулавеси — 15, на Южном Сулавеси — 38 (в том числе 8 новых), на Северном Сулавеси — 4 федерации свапраджа и 2 отдельные свапраджа, на Северных Молукках — 4, на Сумбаве — 16, на Флоресе — 9, на островах Сангихе — Талауд — 6 и т. д. [59, 69—73]. Если при формировании автономных провинций правительство стремилось перешагнуть через этнические границы, объединяя разнородные народы, то в случае с свапраджа оно, напротив, сохраняло дробность даже этнически и культурно более однородных единиц.

Но и те непоследовательные и недостаточные мероприятия в области национальной автономии, которые правительство провело законодательным путем, в сущности, остались на бумаге. Сукарно президентскими указами № 6 1959 г. и № 5 1960 г. ввел назначение членов руководящих органов автономных единиц I и II порядка в соответствии с его принципом «руководимой демократии», а также ограничил районы в ряде прав, которыми те прежде располагали. В принятом в конце 1960 г. законе о восьмилетнем плане, как отмечает Г. А. Андреев, говорилось и «о необходимости исправления допущенных ранее недостатков в развитии автономии, и в частности предусматривался раздел всей

⁴ С начала XX в. и вплоть до Августовской революции в Индонезии сохранялось 282 княжества и самоуправляющиеся территории, из которых 278 было во Внешних провинциях (они составляли более половины территории этих провинций), а 4 — на Яве (7% ее территории) [59, 24—26].

территории страны на автономные районы в соответствии с желанием населения, передача районам всех предусмотренных законами прав, создание постоянных выборных местных органов власти, которые представляли бы интересы всего народа, обеспечение автономных районов необходимыми финансовыми средствами и т. д.» [6, 133]. Этот закон не был осуществлен. В середине 1965 г. вместо закона № 1 1957 г. и указов президента № 6 1959 г. и № 5 1960 г. были приняты законы об основах местного управления, включая и управление сельскими общинами, по которым вся власть передавалась назначенным сверху главам районов (общин) и исполнительным комитетам, члены которых также назначались.

Эти законы еще более ограничили, а зачастую свели на нет роль выборных органов на местах и укрепили личную власть (в основном военную). С 14 марта 1957 по май 1963 г. (а реально и после этой даты), также с осени 1965 г. и фактически по настоящее время в стране действует закон о чрезвычайном положении, который дает всю полноту власти на местах — а после 1965 г. и в центре — военным. «В этот период,— пишет Г. А. Андреев,— наиболее рельефно проявилась тенденция правящих кругов, прикрывавшихся лозунгом укрепления национального единства, к ограничению деятельности левых организаций в борьбе за расширение прав трудящихся... Известные успехи в развитии автономии в 1956—1958 гг. с возвращением к конституции 1945 г. были аннулированы» [6, 134—135].

Традиция военного управления, особенно на Яве, была отчетлива со дня основания республики. Так, во время второй голландской агрессии (декабрь 1948 — май 1949 г.) высшая военная и гражданская власть на Яве принадлежала Генеральному штабу во главе с Судирманом и Штабу яванского командования во главе с Насутионом. На местах военные и административные руководители осуществляли военные губернаторы. Существенно вспомнить и такие исторические особенности развития на Яве, как более глубокое укоренение феодализма и большая степень воздействия голландской колониальной системы управления, чем в других районах страны, что создало дополнительные условия для укрепления недемократических форм правления [31, 38 и сл., 54 и сл.; 32, 109—112].

Во Внешних Провинциях, особенно на Центральной и Южной Суматре, власть в первые годы после революции осуществляли гражданские лица, а не армейские офицеры. Более того, даже посты военных губернаторов на Суматре (кроме Аче) занимали гражданские лица, назначенные главой Чрезвычайного Правительства Республики Индонезии Шафруддином Правиранегарой (это правительство было сформировано в период второй голландской агрессии на Суматре по приказу Сукарно, который, как и ряд членов его правительства, в это время был арестован голландцами). Партизанской борьбой здесь также руководили гражданские лица [31, 42, 47—48]. Впоследствии, в связи с острым размежеванием классовых сил и обострением внутривнутриполитической обстановки в стране в 1957 г., сложилась парадоксальная ситуация: именно военные во Внешних Провинциях возглавили в большинстве случаев антиправительственные выступления и те органы управления, которые они пытались создать [31, 69—72]. Это объясняется тем, что армейские офицеры, уже обладавшие в то время реальной властью, выступили в качестве представителей интересов районов, т. е. в первую очередь буржуазии этих районов. Тогда-то, в частности, появилась концепция полковника Лубиса (родом минангкабау с Западной Суматры), требовавшего создания «широкого фронта динамичных районов» в противовес «центру», т. е. правительству в Джакарте. Тогда

же резко обострилось мятежное движение Дар-уль Ислам на Западной Яве под лозунгом создания «мусульманского государства» в Индонезии [65, 12—57]. Среди очевидных классовых причин этих антиправительственных выступлений, а также наравне с фактором подстрекательства со стороны реакционных империалистических сил почвой, благоприятствовавшей расширению этих движений, явилось то, что не была решена проблема автономии районов и достаточно четко не были ограждены права районов и этносов, их населяющих.

Положение не улучшилось и в десятилетие 1965—1975 гг. Так, в 1969 г. индонезийский парламент принял закон о децентрализации и автономии, ограничив и те жалкие остатки автономии, которые сохранились за районами. После принятия этого закона у правительства Сухарто появились новые идеи усиления централизации, вплоть до ликвидации существующего административного деления на 26 провинций и введения «суперпровинций» в количестве всего... шести! Так, агентство Антара передало 2 марта 1973 г., что министр внутренних дел Амир Махмуд подтвердил наличие такой идеи. Более того, эта идея проводилась под предлогом большей динамичности и «большей простоты» в управлении [42, 2.III.1973]. Еще ранее о таком намерении правительства сообщило ТАСС [28.II.]. Подобное намерение вызвало широкое недоумение у общественности, рост недовольства на местах [6, 140], и правительство поспешило устами того же Махмуда заявить об отсутствии у него такой цели [42, 12.III.1973].

Этот показательный факт говорит о том, что центральное правительство нередко стремится решить сложные политические, экономические и национальные проблемы путем декретирования и через максимальную централизацию.

Однако при чрезмерной централизации культура меньших этносов нивелируется, они не встречают поддержки для полного и свободного этнического развития. Для подлинной же национальной интеграции необходимым условием является свободное развитие всех этносов страны и добровольное принятие ими новых ценностных ориентаций общегосударственного (общенационального) масштаба. Такой подход является краеугольным камнем марксистско-ленинской теории по национальному вопросу, к нему близки некоторые объективные западные этнологи и социологи [см., например: 70, 5—6, 17, 18 и сл., 42 и сл., 418—419]. Индонезийский историк Суджатмоко подчеркивал важность учета интересов «культурно-однородных групп, связанных вместе исконными привязанностями большой интенсивности», в том числе этнических, этно-религиозных, этнокультурных групп; он утверждает, что культурный плюрализм Индонезии указывает на необходимость обеспечения адекватного представительства и полного участия этих групп в принятии политических решений, равно как и в самом политическом процессе. До тех пор пока это не обеспечено, правительство приходится рассматривать как незаконно действующее (*illegitimate*) и почти всякое его решение приводит к возрастанию политических трений в обществе» [цит. по: 65, 5].

Если говорить в свете этих положений о ситуации в Индонезии, то, действительно, объективно и независимо от проводимой центральным правительством унитаристской национальной политики, независимо от субъективных желаний инициаторов такой политики выигрывает больше всех крупнейший в Индонезии этнос — яванцы, и прежде всего яванская буржуазия и буржуазная интеллигенция. В централизованном государстве, созданном при Сукарно национальном секторе яванская буржуазия занимала чрезвычайно важные, нередко ключевые посты в военном и административном аппарате, а также в экономике (где за

ее спиной стоял капитал китайского нацменьшинства, контролирующего экономику страны) [33, 111 и сл.; 31, 72; 26, 59].

Естественно, что при недостаточно внимательном, а точнее, просто негативном подходе центрального правительства к интересам отдельных районов и этносов, населяющих их, местная буржуазия, оппозиционно настроенная по отношению к яванской буржуазии, получает дополнительный козырь для своей антиправительственной пропаганды и для действий, направленных к ослаблению давления из центра [6, 77]. Большинство антиправительственных выступлений шло под лозунгами предоставления автономии⁵. Особенно отчетливо это проявилось в 1956—1958 гг. на Западной и Южной Суматре, в ряде районов Сулавеси, в Восточной Индонезии. В программные заявления мятежных полковников были включены требования создания новых отдельных провинций, соответствующих этническому составу регионов, имеющих широкие права автономии, получающих достаточное количество финансовых средств для нужд местного населения [6, 79—80; 26, 66, 69—71; 52, 77]. Это было ясно и правительству, ибо, как пишет Г. А. Андреев, с одной стороны, «реакционные круги располагали определенной поддержкой населения в ряде районов», а с другой — «правительство не могло не понимать, что преодолеть возникшие между центральным правительством и мятежными районами противоречия будет трудно без предоставления более широкой автономии» [6, 90—91]. Тогда-то и был принят закон № 1 1957 г. и некоторые другие законы, предоставлявшие больше льгот регионам и расширявшие права автономии (но, как отмечалось выше, позднее отмененные).

Как же должна решаться в условиях Индонезии проблема централизма, автономизма, федерализма, сепаратизма?

Правильный подход к решению национального вопроса в этой стране, как и в других развивающихся странах, тем более необходим, что антикоммунисты на Западе и Востоке настойчиво проводят идею, что для коммунизма якобы характерно «пренебрежение национальным во имя интернационального», «растворение наций и рас на материально-классовой основе», как пишет буржуазный ливанский автор Рафик Маалуф [цит. по: 14, 94].

В этой связи с особой силой звучат четкие указания В. И. Ленина по вопросам национальной политики в многонациональной стране. Обращаясь к работам В. И. Ленина, можно найти указания, соответствующие рассматриваемой нами ситуации в Индонезии: «Демократический централизм не только не исключает местного самоуправления с *автономией* областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т. п., а, напротив, необходимо требует *и того и другого*» [3, 144]. В связи с необходимостью решить национальный вопрос в многонациональной (полиэтнической) России В. И. Ленин писал в «Тезисах по национальному вопросу»: «Социал-демократия требует замены старых административных делений России, установленных крепостниками-помещиками и чи-

---

⁵ В советской научной литературе достаточно подробно описаны антиправительственные выступления и сепаратистские мятежи в Индонезии, вскрыты их классовые корни, показана роль сил внешней и внутренней реакции в их провоцировании. Этому посвящены, в частности, книги В. А. Жарова [21], А. К. Лаврентьева [24], Г. А. Андреева [6; ср. 77]. Глубоко фундированный классовый анализ ситуации в Индонезии в годы «направляемой демократии» и после событий 30 сентября, позволяющий точнее судить и о предшествующих событиях, дан в работах А. Ю. Другова и А. Б. Резникова [18; 19] и А. Ю. Юрьева [39а]. Мы же обращаем внимание на те стороны этих выступлений, которые имели объективный социально-экономический и этно-национальный характер и были связаны в первую очередь с нерешенностью проблемы автономии в стране.

новниками самодержавно-крепостнического государства, делениями, основанными на требованиях современной хозяйственной жизни и согласованными по возможности с национальным составом населения.

Все области государства, отличающиеся бытовыми особенностями или национальным составом населения, должны пользоваться широким самоуправлением и автономией при учреждениях, построенных на основе всеобщего равного и тайного голосования». И далее: «Социал-демократия требует издания общегосударственного закона, ограждающего права всякого национального меньшинства в какой бы то ни было местности государства» [2, 317]. В ряде своих работ В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что отступление — даже под самым революционным предлогом — от принципа самоопределения наций — это уступка национал-шовинизму буржуазии своей страны или, если страна многонациональная, буржуазии фактического национального большинства [4].

В развернувшемся в Индонезии с начала XX в. национально-освободительном движении преобладали общепондонезийские партии и организации. Вместе с тем одна за другой возникали партии и организации, представлявшие отдельные народы страны и отражавшие рост их этнического и национального самосознания. Но численно эти партии и организации были невелики, их влияние не было значительным, даже штаб-квартиры этих организаций нередко оказывались на Яве, где было много выходцев из разных районов архипелага [6, 7—10; 10, особо 159—163].

Интересно, что индонезийские политические партии и лидеры, в том числе и Сукарно, в разные периоды своей деятельности по-разному формулировали свое отношение к форме государственного устройства Индонезии, признавая, например, возможность федеративного устройства государства. Так, революционные националисты из руководства Национальной партии в 1930 г. считали, что после образования суверенного государства оно «должно было принять форму федеративной демократической республики» [37, 56]. Сукарно в работе 1947 г., говоря о стремлении к национальному государству, писал: «...мы хотим построить прочное государство (унитарное или федеративное), объединяющее всю Индонезию» [36, 218]. Программа компартии 1925 г. говорила о полной независимости Индонезии и об образовании федеральной республики, а в предложениях КПИ по государственному устройству Индонезии, высказанных в 1955 г., говорилось о необходимости самой широкой автономии для всех народностей Индонезии [55, 16.XII.1965, цит по: 15, 40].

Федерализм и сепаратизм во второй половине 40-х годов скомпрометировали себя и практически были лишены народной поддержки. Идею федерализма в Индонезии в широких кругах общественности связывали с происками голландских колониалистов и империалистических держав, ибо разделение Индонезии по этническому принципу еще в 1912 г. предлагалось голландским колониальным чиновником С. Ритсема ван Эком, а затем энергично защищалось Х. Колейном [46; 47].

После образования республики идею расчленения Индонезии активно защищали империалистические державы, что нашло выражение в создании многочисленных «государств» на территории страны и, наконец, Республики Соединенных Штатов Индонезии (ноябрь 1949 — август 1950 г.)⁶, основанием для создания которой была, по словам ини-

⁶ Помимо создания «штатов» (их было 15, Республика Индонезия была 16-й единицей в США) голландцы восстановили или создали заново многочисленные султаны и свапраджа — самоуправляющиеся территории. Так, на Западном Калимантане

циаторов, необходимость решить национальную проблему в Индонезии, в том числе проблему яванского преобладания. Представители Советского Союза тогда же раскрыли в ООН истинные цели создания марионеточных штатов [38, 96—110]. Наиболее объективным представителям западной науки также было ясно, что протесты против «яванского централизма» нередко были продиктованы узкоклассовыми и узкоместными интересами правящих кругов на местах [см., например, 56, 14—15]. После голландских усилий расчлнить Индонезию, а также после антиправительственных мятежей 1957—1958 гг. в широких кругах индонезийской общественности утвердилось мнение, что федерализм и сепаратизм — синонимы, и усилилась лояльность по отношению к центральному правительству и его политике [21, гл. I—III; 24; причины неприятия идеи федерализма четко сформулированы Г. А. Андреевым: 6, 21—22, 39—40; см. также: 5, 167—177].

Но пресловутые Соединенные Штаты Индонезии не были ни этнической, ни национальной федерацией. Этот факт почему-то прошел мимо внимания всех, насколько нам известно, исследователей — и критиков и защитников — федерализма в Индонезии. США были по преимуществу образованием региональным, причем искусственно созданным, без учета реальных интересов районов и народов, их населяющих [см. характеристику штатов: 21, 35 и сл.]. Создание США, направленное на ослабление политического единства страны, было одним из ярких проявлений неокOLONиализма в действии. Факт их создания не только не способствовал решению национального вопроса, а до чрезвычайности усложнил его, притом на весь дальнейший период.

Во время подъема общенациональной освободительной борьбы участие в общеиндонезийских партиях представителей отдельных народов страны — в первую очередь для буржуазии этих народов — было часто единственным способом добиться хотя бы частичного осуществления своих местных, связанных с данным этносом целей. Таким образом, общеиндонезийские партии и организации были в некоторых случаях ширмой, за которой скрывались регионально-этнические интересы [подробнее см.: 27, 132; 33, 116; 59, 233].

Однако ни одна из существовавших после 1957 г. партий, как бы силен ни был в ней этнический элемент, не выступала открыто за федеральную систему, а тем более за полное отделение того или иного народа (этноса). Федерализм и даже сепаратизм, имевшие большое влияние в 1945—1950 гг. и — в незначительной степени — возродившиеся во время антиправительственных выступлений на местах в 1957—1958 гг., с ликвидацией этих движений потеряли сколько-нибудь заметную общественную поддержку (кроме группы амбонских сепаратистов, продолжающих и по сей день борьбу за «Республику Южно-Молуккских островов», но ведущих свою пропаганду главным образом с территории Нидерландов, где существует большая колония молукканских эмигрантов).

Несомненно, ход исторических событий, вмешательство иностранных держав, разжигавших сепаратистские тенденции, создание марионеточных псевдофедеральных государств (пропагандируемых, однако, реакционной печатью в качестве «истинно» федеральных) — все это заставило отказаться от идеи федерации и даже от идеи достаточно широкой автономии. Но было бы неверно относить такой резкий крен в сторону централизаторской и сверхцентрализаторской политики только за счет внешних причин. Были и глубокие внутренние причины субъек-

---

было воссоздано 13 султанатов и 2 создано заново, на Восточном Калимантане — соответственно 5 и 1 и т. д. [6, 41—42].

тивного характера, прежде всего рост крайнего буржуазного национализма (вплоть до шовинизма), подогретого успехами в национально-освободительной борьбе и выросшего на благодатной почве мелкобуржуазной и буржуазной идеологии.

Недовольство политикой центрального правительства в провинциях вызывается также рядом конкретных причин практического порядка. Например, у многих этносов контакты с представителями центрального правительства нередко приводят к столкновениям с последними из-за некомпетентности и личных недостатков отдельных чиновников, причем положение усугубляется тем, что они не принадлежат к данному этносу, а присланы из центра и сплошь и рядом являются яванцами. Дополнительные осложнения порождает и тот факт, что в правительстве слишком много лиц с фамилиями, оканчивающимися на «о», т. е. яванцев; неяванцы говорят об этом не столько с юмором, сколько с раздражением.

Но еще более важно то, что отметил американский исследователь Э. Брунер: «Высшая администрация не имеет тесных связей с администрацией на местах... Национальным лидерам в Джакарте также не хватает формальных средств контакта с их избирателями в деревне» [60, 63]. В условиях многонациональной страны это означает, что правительство фактически не в состоянии проводить среди всех народов Индонезии на самом массовом уровне свою же национальную политику, которая, таким образом, реализуется нередко стихийно — в той мере, в какой интересы данного этноса совпадают с представляемыми и олицетворяемыми правительством интересами всего государства и всех народов страны, или же правительство вынуждено прибегать к насильственным мерам.

Бесспорно, сепаратизм, направленный на отделение от республики, или федерализм вроде «Соединенных Штатов Индонезии» образца 1949 г. являются реакционными движениями. Но бесспорно также, что политика, проводимая правительством в 50-х годах и последующих годах в национальном вопросе, в частности в деле создания автономных единиц административного деления, была крайне непоследовательна и вела часто к сохранению, а иногда и к усугублению межэтнических трений, не создавая в то же время достаточных условий для свободного и всестороннего развития отдельных народов и, следовательно, всей страны. В борьбе с реакционным сепаратизмом и псевдофедерализмом «Соединенных Штатов Индонезии» оказалась осужденной сама идея федерации. В результате того, что вслед за ликвидацией «штатов» не было проведено районирования, учитывающего интересы отдельных народов Внешних Провинций, т. е. провинций, лежащих за пределами Явы, возникла почва для новых и новых обвинений правительства в «яванском империализме», равно как и для ссылок на положительный опыт решения национального вопроса на федеративной основе в других странах — ссылок, остававшихся безответными. Более того, антиправительственные выступления середины 50-х годов имели, среди прочих причин, и недовольство Внешних Провинций (прежде всего буржуазии этих провинций) политикой центрального правительства по отношению к ним.

Но не только политическая ситуация в период, последовавший за образованием республики, послужила причиной такого резко негативного отношения к идее федерации. Дело еще и в том, что индонезийское правительство не рассматривало национальный вопрос как составную часть социального вопроса. «Историческое развитие показывает, — пишет философ Э. А. Баграмов, — что национальный вопрос — это социальная проблема, решение которой связано не только с перестрой-

кой сознания, психологии людей, но прежде всего и с осуществлением в ходе антиимпериалистической борьбы коренных революционных преобразований» [9, 156].

Серьезным препятствием для подлинно демократического решения вопроса об автономии в Индонезии служит господство военных во всех сферах жизни.

Таким образом, политику правительства в национальном вопросе нельзя считать удовлетворительной, а мероприятия в области развития автономии сколько-нибудь достаточными. Эта проблема еще ждет своего решения. Нерешенность ее, как справедливо пишет Г. А. Андреев, «в дальнейшем... может вновь привести к серьезным противоречиям между центральной властью и отдельными районами страны» [6, 141]. Судя по тому, что было проделано, а также по установкам правительства, получившим широкое отражение и в прессе Индонезии, и в работах индонезийских авторов, в Индонезии еще не нашли правильного подхода к решению национального вопроса при условии сохранения государственной целостности и при достаточном развитии этнической автономии, что по-прежнему вызывает недовольство на местах и препятствует образованию подлинного и прочного общенационального единства страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма,— Полное собрание сочинений, т. 2.
2. Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу,— Полное собрание сочинений, т. 23.
3. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу,— Полное собрание сочинений, т. 24.
4. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение,— Полное собрание сочинений, т. 25.
5. Александренко Г. В. Буржуазный федерализм (Критический анализ буржуазных федераций и буржуазных теорий федерализма), Киев, 1962.
6. Андреев Г. А. Индонезийское государство: проблема единства и автономии (1945—1965), М., 1974.
7. Андреев Г. А. Развитие местной автономии в Республике Индонезии,— «Очерки из истории Юго-Восточной Азии», М., 1965.
8. Архипов В. Я. Экономика и экономическая политика Индонезии (1945—1968), М., 1971.
9. Баграмов Э. А. Национальный вопрос и буржуазная идеология, М., 1966.
10. Беленький А. Б. Национальное пробуждение Индонезии, М., 1965.
11. Беленький А., Ильичев Б. Некоторые уроки событий в Индонезии,— «Коммунист», 1968, № 15, стр. 110—113.
12. Викторов В. Индонезия в час испытаний,— «Международная жизнь», 1968, № 12, стр. 54—62.
13. Графский В. Г. Федерализм в развивающихся странах, М., 1968.
14. Гузеватый Я. Н. Классы и классовая борьба в экономически слабо развитых странах, М., 1963.
15. Дадиани Л. Я. Государственный строй Индонезии, М., 1957.
16. Демин Л. М. Над Мерапи облака, М., 1971.
17. Джуана М. и Сулван, Государственный строй Индонезии, пер. с индонез., М., 1959.
18. Другов А. Ю. К 50-й годовщине Компартии Индонезии,— «Вопросы истории КПСС», 1970, № 5.
19. Другов А. Ю., Резников А. Б. Индонезия в период «направляемой демократии», М., 1969.
20. Ерасов Б. С. Концепции «культурной самобытности» в странах «третьего мира»,— «Вопросы философии», 1971, № 1.
21. Жаров В. А. Индонезия на пути упрочения независимости (1949—1956), М., 1964.
22. Зарубежный Восток и современность. Основные закономерности и специфика развития освободившихся стран, тт. 1—2, М., 1974.

23. Конституции стран Юго-Восточной Азии, М., 1958.
24. Лаврентьев А. К. Тайная война против Индонезии, М., 1960.
25. Лукин В. «Идеология развития» и массовое сознание в странах «третьего мира»,— «Вопросы философии», 1969, № 6.
26. Маретин Ю. В. Значение внутреннего рынка для Индонезии и трудности его формирования,— «Третий мир»: стратегия развития и управления экономикой, М., 1971, стр. 47—91.
27. Маретин Ю. В. Индонезия,— «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии», М., 1973.
28. Маретин Ю. В. Локальное, национальное и интернациональное в культуре современной Индонезии,— «V научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии», Л., 1974.
29. Маретин Ю. В. Особенности бахаса Индонезии как государственного языка Республики Индонезии,— «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969.
30. Маретин Ю. В. Особенности этно-национального развития в полиэтничных освободившихся странах (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации), М., 1973.
31. Проблемы современной Индонезии, М., 1968.
32. Севортян Р. Э. Армии в политическом режиме стран современного Востока, М., 1973.
33. Симония Н. А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии, М., 1964.
34. Старушенко Г. Б. Нация и государство в освободившихся странах, М., 1967.
35. Сукарно. Индонезия обвиняет, М., 1956.
36. Сукарно, Сарина. Задачи женщины в борьбе Республики Индонезии, М., 1958.
37. Цыганов В. А. Создание Национальной партии Индонезии (1927 г.),— «Народы Азии и Африки», 1964, № 3.
38. Шин А. С. Индонезийский вопрос в ООН (1945—1950),— «Краткие сообщения Института народов Азии», № 45, М., 1961.
39. Юнус Х. За единый национальный фронт культуры в Индонезии,— «Проблемы мира и социализма», 1963, № 1.
- 39а. Юрьев А. Ю. Индонезия после событий 1965 года, М., 1973.
40. Abdulgani R. In Search of an Indonesian Identity, [s. l., s. a.].
41. Aijisjahbana S. T. Indonesian Social and Cultural Evolution, Kuala Lumpur, [a. o.], 1966.
42. «Antara Daily News Bulletin», Bonn — The Hague, 1967—1974.
43. «Atjara Kongres kebudayaan Indonesia ke-2», Bandung, 1951.
44. Auwjong P. K., Traditionalisten und Internationalisten unter den indonesischen Intellektuellen,— «Saeculum», Bd 10, 1959, № 4.
45. Venda H. J. Decolonization in Indonesia: The Problem of Continuity and Change,— «American Historical Review», vol. LXX, 1965, № 4.
46. Colijn H. Koloniale vraagstukken van heden en morgen, Amsterdam 1928.
47. Colijn H. Politiek beleid en bestuurszorg in de buitenbezittingen, d. I, Batavia, 1907.
48. Danuredjo S. L. S. Central Authority vis-a-vis Regional Autonomy in Indonesia: A Quest for Equilibrium,— «Revue internationale des sciences administratives», vol. 30, 1964, № 2.
49. Djodjodiguno M. M. The Problem of Ethnic and Cultural Pluralism in Indonesia, Djakarta, 1961.
50. Feith H. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia, New York, 1962.
51. Fischer L. The Story of Indonesia, London, 1958.
52. Fryer D. W. Economic Aspects of Indonesian Disunity,— «Pacific Affairs», 1957, № 3.
53. Grant B. Indonesia, Melbourne, 1966.
54. Gunadi, Nasion Indonesia, Djakarta, 1961.
55. «Harian Rakjat», Djakarta, 1961—1965 (September).
56. Jaspian M. A. Social Stratification and Social Mobility in Indonesia, 2nd enl. ed., Djakarta, 1961.
57. Karta Mihardja A. Towards a New Indonesian Culture,— «Islamic Review», vol. 18.
58. Kunstadter P. (Ed.), Tribes, Minorities, and Central Governments: Problems of Nation-Building in South-East Asia, Princeton, 1967.
59. Legge J. D. Central Authority and Regional Autonomy in Indonesia: A Study in Local Administration 1950—1960, Ithaca, [1961].
60. «Local, Ethnic, and National Loyalties in Village Indonesia: A Symposium», Ed. by G. W. Scinner, New Haven, 1959.
61. McTurnan Kahin G. Nationalism and Revolution in Indonesia, 3rd print., Ithaca, 1955.
62. Maryanov G. S. Decentralization in Indonesia as a Political Problem, Ithaca, 1958.

63. «Menudju otonomi daerah se-luas-luas-nja», dj. I (oleh A. R. Nungtjik), dj. II (oleh P. Pardede), Djakarta, 1958.
64. Muslimin Amrah, Ichtisar perkembangan otonomi daerah, 1903—1958, Djakarta, 1960.
65. «Political Participation in Modern Indonesia», Ed. by R. W. Liddle, Yale, 1973.
66. Reintanz G. Die Staatsrechtliche Entwicklung Indonesiens seit 1945,— «Staat und Recht», Jg. 6, 1957, Hf. 5.
67. Sardjito M. Bangsa Indonesia seharusnya dikemudian hari mendjadi bangsa jang besar, Jokjakarta, 1956.
68. Schiller A. A. The Formation of Federal Indonesia, 1945—1949, The Hague — Bandung, 1955.
69. «Sepuluh intelligentsia tentang pembangunan masjarakat dan negara Republik Indonesia», Jogja, 1950.
70. «Southeast Asia: The Politics of National Integration», Ed. by John T. McAlister, New York, 1973.
71. Suharto, The State of a Nation,— «The Indonesian Review of International Affairs», Djakarta, 1970, July, vol. 1, № 1.
72. Supomo R. Undang-undang dasar sementara Republik Indonesia dengan sekedar tjatatan dan keterangan dibawah tiap-tiap pasal, tjet. ke-9, Djakarta, 1958.
73. Sutjipto Wirjosuparto, Pantjasila, Manipol, USDEK sebagai dasar pentafsiran sedjarah Indonesia, Djakarta, 1961.
74. Tan T. K. (Ed.), Sukarno's Guided Indonesia, Brisbane, 1967.
75. The Liang Gie. Pemerintah Daerah di Indonesia, Djakarta, 1958.
76. Tobing Ph. O. L. «Bhinneka tunggal ika» dasar kepribadian Indonesia, Makassar, 1961.
77. Vlekke B. H. M. Indonesia's Struggle 1957—1958, New York, 1959.
78. Weatherbee D. E. Ideology in Indonesia: Sukarno's Indonesian Revolution, Yale, 1956.
79. Widaja Soeariadiradja, Peraturan-peraturan mengenai pemerintahan daerah swatantra, Djakarta, 1953.
80. Yamin M. 6000 tahun sang merah putih, Djakarta, 1958.
81. Yamin M. Pembahasan Undang-undang dasar Republik Indonesia, [Djakarta, 1963].